

евгений
фильмонов
книга

- Коль, смотри сюда, - друг тряс меня своей, довольно-таки мощной лапой, словно недавно родившегося щенка.

Он и сам похож на медведя, мой друг Сеня. На старого, мохнатого, отъевшегося на овсах и ягоде медведя с постоянно блуждающей на хитрой морде загадочной улыбкой и таящимися в уголках глаз смешинками, словно бы он знал некую тайну, позволяющую посмеиваться над окружающим миром. К слову сказать, я был частью этого мира, и потому зачастую не знал: то ли он подшучивает надо мной, то ли всерьёз что-то предлагает. Вот и сейчас.

- Чего тебе? Опять хохмишь, шкура прелея?

- Да нет, ты поглянь, какая красота, - толстый палец уткнулся в книгу, лежащую на отдельно стоящем пюпитре в дальнем углу лавки антикара. В неприметный магазинчик мы забрели совершенно случайно, болтаясь по незнакомому городу, в котором зависали уже вторую неделю в нежданно-негаданно свалившейся на наши головы командировке. Это была чистойшей воды удача - попасть посреди зимы в азиатский рай, маленький древний городок, спрятанный у моря.

Книженция, надо сказать, и вправду была знатная. Сеня, как всегда, сумел узреть что-то ценное и необычное вперёд меня. У нас с ним был спор - кто больше найдёт уникамов, в любой области. И он постоянно умудрялся найти что-то необычное - даже в совершенно обыденном, на первый взгляд, переплетении ветвей старого клёна, росшего у нашего офиса. И тогда мне, скрепя сердце, приходилось вносить пресловутый «плюс один» в графу его побед.

Книга была большой. Нет, не так - она была Большой. Попросту огромной. Не знаю, как её немалый вес выдерживал хрупкий резной пюпитр, тонкая стойка которого, казалось, звенела от непосильной тяжести. Обложка книги походила на растянувшееся во все стороны

лицо старого шута - такое же морщинистое, такое же размалёванное, такое же загадочное; и несла на себе странную игру хаотично разбросанных красок.

- Кожа, - тихо сказал Сеня, легко коснувшись обложки и поглядывая искоса на антиквара, занятого у входа с молодой женщиной. Та приценивалась к какой-то африканской маске и въедливо выпрашивала у старика её качества, словно покупала не атрибут чуждого искусства и быта, а привычную для своего разума стиральную машину.

- Нет - правда, кожа, - уже не таясь, Семён нежно провёл ладонью по корешку книги. - Мягкая, тёплая...

- Ам! - ткнул я его в бок. - Съест сейчас, откроет пасть и съест. Вон видишь, прямо внизу, пасть-то виднеется. Того и гляди, распахнётся да оттяпает тебе ручонки по локоть, чтобы не трогал без спросу.

- Дурень! - рассмеялся он. - Я же говорю, тёплая она, ты потрогай, как задница младенца прямо, шелковистая. Да потрогай ты. - Сеня резким движением схватил меня за руку и прижал к обложке ладонью.

Ощущение было непередаваемым. Честное слово, я помню его и теперь. На всю жизнь оно отложилось в глубинах памяти - первое прикосновение к изменившей всю мою жизнь книге. Нет, Сеня был явно не прав. Это было сродни прикосновению к моей первой женщине, к её тёплой коже, пульсирующей жизненным соком, пробирающимся по тонким венам под тончайшим покровом, который я и ласкал тогда, давно. Я словно бы окунулся в далёкий миг, ощутил её аромат и дыхание; её жар, с каждым ударом сердца возрастающий и возрастающий, словно готовящийся к взрыву вулкан таился внутри неё. И шёпот, лёгкий шёпот в голове. Её шёпот. «Возьми меня, возьми».

- Ты что, Коль? - толчок в плечо вывел меня из ступора - похоже, я совершенно потерялся в возникшем из глубины памяти вое-

поминании, разбуженном кратким прикосновением к книге.

- А? Задумался что-то.

- Ага, задумался. Да ты, как пень, тут застыл, словно увидел чего.

Я усмехнулся:

- Нет, не увидел. Вспомнилось вдруг. Занятная книжонка, занятная, - задумчиво продолжил я. - Странное ощущение какое-то, как будто... Не знаю, словами не получается.

- Да брось ты, кожа и кожа, выделка просто необычная, видишь же.

Тут нас заметил хозяин, наконец-то избавившийся от клиентки, ставшей все же счастливой обладательницей старой деревяшки, несущей на себе всю мудрость веков. Приобретённая мудрость, правда, была источена древесными жуками, но это в глазах покупательницы, несомненно, было признаком сакральной ценности, которая позволит томно вздохнуть перед гостями, указывая на эти самые «следы древности». С видимым облегчением он закрыл за дамой дверь, согнувшись вслед в вежливом полупоклоне, и засеменял к нам.

Я с интересом рассматривал представшего перед нами человечка, словно перенёсшегося в эту лавчонку из какой-то неведомой седой эпохи. То ли китаец, то ли индус, он был настолько стар, что лицо уже не несло на себе никаких признаков национальности. Оно было покрыто морщинами не хуже грецкого ореха, и лишь в узких прищуренных глазах билась жизненная сила - неожиданно ярким и живым блеском, не ожидаемым от столь старого человека, словно искры плясали в глубине чёрных глаз, смотрящих на нас с немым вопросом. «Китаец» - всё-таки решил я для себя, разглядев наряд и косичку, седым пучком болтающуюся за плечами.

- Господа имеют вопрос? - неожиданно глубоким голосом спросил он. - Что-то конкретно Вас заинтересовать?

- Д-д-да... - с запинкой ответил я, почему-то опередив обычно

бойкого на язык Сеню. - Да, заинтересовало, знаете ли... Что это за книга?

Хозяин не спешил отвечать, разглядывая нас с каким-то непонятным интересом, словно его удивлял сам факт нашего здесь присутствия в этом тёмном уголке, у этой самой книги, с такими вот глупыми вопросами. Он вглядывался прямо нам в глаза - не бегая взглядом по лицу, а степенно изучая, буравя чёрными дырами зрачков, проникая внутрь и оценивая увиденное. Наконец, соизволил ответить:

- Да, книга эта очень древний, никто не знает, сколько древний.

- Но хоть что-то же о ней известно? Автор, возраст? И что это - кожа? Чья?

- Это неизвестно никому, молодой человека, возраст её уходит во тьма веков - туда, где правили боги. А это кожа, да... Но чья она - опять же, никто не знает, нет такого зверя у нас на Земля.

Тут Сеня захохотал. Это всегда выглядело очень интересно - представьте себе трясущегося, словно в лихорадке, медведя, мотающего головой и оглашающего окрестности весёлым звонким смехом - вот, это как раз и есть портрет моего смеющегося друга.

- Уважаемый, какие боги? Вы о чем, мы же не дети и не та мадам, которой можно всучить любую безделицу. Давайте по сути уже - что это такое. Расскажи, не томи.

- Не верите вы мне, молоды ещё, - прошелестел ответ владельца лавки. - Эта книга попадать к мой древний предок очень, очень давно, я даже не знаю, как вам сказать, но это событие записано в нашей семейной книге, и быть это на заре веков, когда император ещё не повелеть построить великий стена, и обстоятельства того, как она стать нашим достоянием, скрыты, книга не донесла их... Но в книги других семей сказано, что быть события страшные и ужасные, что мой предок дорого заплатить за неё.

- Да уж, рекламировать ты умеешь, старче, - Сеню продолжало

нести. - Что просишь-то за «ценность» свою в «неведомой коже»? - Он буквально выделил слова, поддевая хозяина, и видно было, что того задело, несмотря на внешнюю невозмутимость.

- Не продаваться, это реликвия семьи.

- Да что ты говоришь, а зачем она тогда здесь? У тебя здесь музей? Кунсткамера? Или я чего-то не понимаю? Ты ведь антиквар, а это магазин, здесь торговый зал, и значит, она продается, что ты пургу-то несёшь. Сколько?!

- Не продаваться. - Старик явно упёрся, и вести разговор в таком русле не было смысла, поэтому я пихнул друга в бок и шикнул на него, чтобы он прекращал уже этот цирк.

- А что внутри? - спросил я хозяина. - О чем она?

О! Внутри? - старика явно позабавил вопрос. - Открой, можно... Да, открой, посмотри.

И я открыл книгу. Безо всяких усилий перевернув массивную пластину обложки, я уставился на открывшееся зрелище, на меси-во цветных пятен, подобных тем, на обложке, но каких-то других, подчинённых странному порядку. Я вглядывался в этот хаос красок и не мог понять, что же это такое, зачем было создавать такую несуразицу - сплошное смешение цветов на листах хрупкой бумаги, шуршащей под моими пальцами. Станным образом этот калейдоскоп, подобно настоящему, втягивал в себя, погружая куда-то внутрь себя, в глубину, скрывающуюся за беспечным смешением мазков и линий, а потом картинка вдруг дрогнула и растеклась передо мной объёмом, открывая странный ландшафт с резным портиком посередине, на ступеньках которого восседало нечто непонятно-огромное.

- Коль, что там? Ну-ка, дай гляну, - Сеня бесцеремонно выдернул меня из второго за этот необычный день выпадения из реальности, просто отпихнув от книги. - Ничего себе, ха-ха-х... - он всмотрелся в книгу, окаменев лицом. - Старик, да это же стерео простое, что ты нам сказки-то рассказываешь? Мы тебе что - папуасы? Кар-

тин таких не видели, а? Хозяин! - голос набирал силу, хотя он явно не хотел ссориться, а наслаждался своим положением разгадавшего загадку игрока, к тому же, поймавшего раздающего на шулерском приёме.

А я в этот момент смотрел на старого китайца, и не мог понять - что не так. Узкие глаза широко открылись и с неверием смотрели на нас, а открытый рот явно что-то пытался выдать, оформить словами. Но что-то случилось с его связками, и старик стоял, немо глядя на нас и мелко тряся рукой, тянущейся к книге. Блеск, поразивший меня в начале нашего «знакомства» куда-то стремительно сбегал, оставив после себя серый пепел страха, буквально изливающегося из глаз, сметая все вокруг плотной, буквально осязаемой, волной ужаса. С хриплым криком, больше похожим на клёкот, он все же дотянулся до книги и захлопнул её, чем чуть не породил волну падений всякой мелочевки вокруг пюпитра.

- Моя не прадавать, магазин закрыт, уходите, я просить вас, - акцент резко прорезался в испуганном голосе, мечась меж полок магазина подобно испуганному нетопырю, попавшему вдруг под солнечные лучи. - Уходите, я вас умолять, уходите-е-е-е, - он чуть не рыдал, этот маленький осколок древности, затерявшийся в своих столь же древних вещах.

И мы ушли. А по дороге в отель долго препирались о том, что же произошло в лавке. Сеня был настроен скептически и смеялся над половиной моих высказываний, заявив непререкаемо, что книга эта - дурь для туристов, замануха для лохов, в которую вшиты обычные стерео-картинки. Когда же я попросил объяснить, что же было в книге, то он с удивлением воззрился на меня, словно я внезапно нашёл что-то, что резко повысило мой рейтинг в соревновании «открытий».

- Нет, ну ты даёшь, ты что - серьёзно ни разу не видел? - недоверчиво спросил он, прищуривая глаза, словно ожидая непонятной каверзы.

- Не-а, я же не королевская библиотека, чтобы у меня в башке все было, - обычной отговоркой вызвал я в ответ лёгкую улыбку.

- Сейчас до компа доберёмся, и покажу. Это просто - качну тебе парочку, там и разберёмся.

Это оказалось и на самом деле быстро и просто. Придя в отель, Сеня первым делом включил ноутбук и, поколдовав там с полчаса, позвал меня к столу, на котором и возлежал его серебристый любимец.

- В общем, вот, смотри, - и жестом кудесника, от которого так и ждёшь магического «престо-маджесто», он крутанул ноутбук экраном ко мне. На экране застыла картинка из помеси монотонных пятен, отдалённо похожая на недавно увиденную в лавке.

- Смотри в неё, только не на картинку, а за неё, как бы сквозь, расфокусируй взгляд и гляди,- тёк его голос, а я замер, следуя советам, вперив взор в стекло экрана и ничего не понимая. Я тупо смотрел в экран и ничего не видел кроме пятен, - ничего, что было бы похоже на объёмную картину, представшую пред моим взором в лавке старого китайца, ни-че-го.

Потом Сеня, чертыхнувшись от негодования, оставил меня на минутку. Как выяснилось - чтобы прикатить кресло из кухни. В это кресло он усадил меня, а сам встал за спиной, припав подобно змею-искусителю к моим плечам и нашёптывая прямо в ухо:

- Расслабься, Коль. Расслабься... Смотри во-о-он туда, не на картинку, а в прорехи между пятнами, смотри, смотри, смотри-и-и-и... - монотонный тихий голос друга гипнотически уволокивал куда-то в забытье, и взгляд мой потёк, засыпая... И тут я поймал, поймал момент разбегания цветной каши в объёмную картину, которая была совсем не хаосом пятен - нет, она было объёмной, словно я вглядывался в голограмму, которые здесь продавались на каждом углу. Я словно бы смотрел на впаянное в стекло мгновение замершего мира. Понимание, как это делается, пришло, и следующие картины, неспешно сменяющие друг друга на мониторе, уже не напряга-

ли меня. Взор, единожды поймав иную точку зрения, видел всё, что таилось за цветной неразберихой, безо всяких усилий, лишь нарастало жжение в уголках глаз.

- Все, хватит. Глаза сломаешь, - резко захлопнул ноутбук Сеня.
- С непривычки тяжело, я знаю... Жжет, и слезятся потом, не напрягайся, друже... Увидел же? Я ведь вижу, что да. Ты, прям-таки, залез туда, - усмехнулся он.

- Угу, - устало буркнул я. Глаза наливались жжением, и неудержимо тянуло в сон. - Я что-то спать хочу, часок не тревожь, а? - И я, как был, не снимая одежды, едва добрал до дивана, куда и рухнул, подобно срубленному дубу, всей своей массой вдавившись в подушки.

Снилась какая-то чушь. Во сне меня тянуло в развёрзтую пасть воронки, стенки которой были составлены из тех самых пятен, что располагались на страницах старинной книги. Они, словно жирные черви, извивались и переползали с места на место в бесстрастной круговерти, странным образом не желая срываться и падать внутрь провала. Может, они были самой воронкой, я не знал - ведь я спал. Чувство падения было осязаемым, словно я на самом деле падал с высоты в неведомую глубину. Забытое чувство детских кошмаров, когда падаешь в никуда, вдруг выплыло из глубин разума и словно мобилизовало, внезапно превратив падение в управляемый полет - я летел, летел вглубь, меж этих червивых стен. И в глубине постепенно вырисовывалась виденная днём картина: невысокий портик и фигура, неподвижно сидящая на краю ступенек. А потом сон прервался... Внезапно, словно кто-то отключил электроэнергию в кинозале, и он погрузился в крошечную тьму.

Я проснулся. За окном - явно не день, солнце видно не было. Хотя... Включил телевизор и, пробежавшись по каналам, удостоверился, что за окном тлеет все же утро, а не вечер, как подумалось спросонку. Я проспал полдня и всю ночь, судя по затёкшим рукам и ногам, даже не пошевелившись ни разу в поисках удобной позы,

что для меня, упёртого неженки, было достаточно-таки необычно. А потом вспомнился сон.

- Сеня, - крикнул я. - Се-е-е-нь, какого черта ты меня не будил? Семё-о-о-н. - Я позвал друга ещё раз-другой, пока не понял, что в комнатах его нет.

Устало взгромоздив себя на ноги, я дотащился до ванной, где под тугими струями контрастного душа смог несколько прийти в себя, и под финал потоком ледяной воды довёл кожу до посинения, а организм - до кондиции зайчика-энерджайзера. Растираясь полотенцем, побродил по комнатам, затем нарубил лёгкий салат из зелени и фетаки и позавтракал не спеша, наблюдая за тем, как Солнце ползло и ползло в зенит, занимая своё привычное место на небосводе. Семена не появлялся. Это было весьма странно, ибо мы расписывали наше времяпровождение буквально по часам, пользуясь доставшейся возможностью повидать мир. Потом внимание привлёк ноутбук, так и лежащий посреди стола - там же, где я приклеился к нему вчера, погружаясь в новое знание. Он лежал и помигивал призывно маленьким зелёным глазком, явно показывая готовность продолжить общение, и я, недолго думая, прошествовал к нему и откинул крышку. Экран моргнул и явил мне картину, виденную вчера в магазине. Видно, Сеня вечером продолжил изыскания и нашёл её где-то, оставив на экране, желая поразить или подколоть...

«Плюс один, - усмехнулся я. - Зар-р-раза».

А потом я расслабился и посмотрел, как учил Сеня. И снова мир размазался вокруг, а экран потянул внутрь, являя начинающую уже надоедать картину древнего мира. Только что-то было не так, я словно смотрел на изображение изображения, слишком оно было не такое. Бледная тень отражения на воде, игра света на полотнище тумана. .. А потом я увидел нечто, что взорвало мозг. Я увидел там Сенину бейсболку, это явно была она; этого не могло быть, но это была она - цветная с обрезанным задником кепи, валяющаяся у портика.

В лавке старого антиквара я оказался спустя короткий миг. Как

я туда бежал - не помню. Память сохранила лишь мелькающие отрывочно стоп-кадры разбрасываемых по дороге людей, вещей, колясок. .. Где-то я умудрился стать причиной аварии - но меня там не было, нет... Когда я увидел нереальную картину, то был уже в лавке, просто тело не успело туда добежать, но получилось это очень быстро. И вот он я дышащий, словно загнанный конь, стою перед старым китайцем и пытаюсь заговорить с ним, настойчиво заглядывая в глаза, таящиеся на старом лице, в глаза, которые вновь полны блеска и жизненной силы. И он смотрит на меня без вчерашнего страха, словно узнав что-то или смирившись с чем-то - я не знаю, а понимаю в этот миг лишь то, что он теперь стал выше в странном противостоянии

- Что... что это за книга? - хрипло выдавливаю из себя - Что это за чёртова книга?! - Голос, несмотря на одышку, срывается на крик, знаменуя, что я на пределе.

- Это око дракона, человек, - будничным тоном произносит хозяин лавки, цепко удерживая меня взглядом. - Око дракона, которое никто не мог открыть. Давно... очень давно... Мой предок, тот, который принёс его в семью, был одним из тех, кто видел его взор... Он пропал тогда... Я не знаю - как и почему он выбрал вас, почему ты смог его открыть, и почему ты ещё в этом мире - мире людей. Его взгляд затягивает в себя, и ты становишься частью его мира, человек, - голос китайца тихо шелестел в сумраке этого выпавшего из реальности куска мира, где-то в глубине сознания поражая меня чистотой выговора, столь невероятной после вчерашнего лепета. - Многие даже живут там, в том мире. Мире дракона.

- Я... я, мой друг нашёл на компьютере картинку из этой книги, он пропал, я видел его вещи внутри картины... Это чертовщина какая-то!

- О, - задумчиво роняет старик. - Друг. Это не совсем обычно, человек. Тебе повезло остаться здесь, в этом мире, но он теперь там, вместо тебя. Кто же знал, что и он тоже успел взглянуть в око?

И я срываюсь:

- Ты! Ты! Ты знал, старый пень, ты вчера уже знал, знал все и не сказал мне, нам, ни слова, ни грамма информации, что мы влезли в твою долбанную семейную сказку, в чёртов глаз какого-то там дракона, которых не бывает на свете, не бывает... Не бывает!

- Она не должна была открыться, - печально произносит китаец. - Этого не должно было произойти, понимаешь, белый человек? Ты - чужой, чужак для нашего мира и народа. Я не понимаю, почему оно выбрало тебя, и почему потом забрало твоего друга через свою тень, отбрасываемую в мир.

И я с удивлением обнаруживаю вдруг, что сжимаю тощую шею старика, изо рта которого вырываются хрип и клёкот, похожие на карканье старого дряхлого ворона, сдыхающего на своей куче мусора, а тонкие морщинистые руки скребут вокруг в тщетной попытке найти хоть каплю воздуха для взрывающихся от недостатка кислорода лёгких.

- Будь ты проклят, старик, - кричу я в закатывающиеся глаза. А в них внезапно открывается картина, мучавшая меня во сне - картина мутного смерча, затягивающего взор и меня самого со всем миром в придачу. И тут стойка пюпитра, наконец-то, не выдерживает многовекового издевательства и ломается. Может, это боги, свысока взглянув на нас, решают внести свою лепту - как бы то ни было, но пюпитр трескается, и, словно в замедленном фильме, книга летит на пол.

Массивная огромная книга, нереально лёгким, порхающим движением мятущегося мотылька ложится на пол и раскрывается от удара, слегка шевельнув при этом гривой страниц. Хотя, это уже не страницы, нет - из книги вытекает призрачный змей, китайский дракон с жемчужными усами на веселящейся морде. И глаза змея похожи на омуты вращающейся бездны, словно мир взбесился и решил поселиться в них... Вытекает, вытекает... И вот безумные глаза заполонили всё вокруг и стали моим миром, разрывая сознание

чуждыми мыслями и совершенно иным течением времени. Где-то далеко верещит старик, вновь вернувшись к своему птичьему языку. Мир тает. Шум, топот, крики... Все уходит во тьму.

Теперь я живу на берегу моря, в лёгкой хижине, сплетённой для меня тонкими ловкими руками соплеменников старика. Они почитают меня. Вернее, не меня, а свою священную, вдруг ожившую во мне книгу, приходя изредка и обращаясь с вопросами, суть которых я плохо понимаю, но отвечаю. Отвечаю чуждым, но столь родным голосом пропавшего друга, который идёт сквозь меня, откуда-то из разверзшейся во мне глубины. Я вижу, что ответы понятны им, а голос ввергает в трепет. Что ж, пусть так. Я люблю смотреть на небо и море, ведь на них нет картин, расплывающихся под моим взором окном в другой мир. Я думаю: что же будет, если я лишу себя зрения или жизни? Даст ли он сделать это, старый змей?

Этот вопрос - вот что мучает меня теперь.